

М. Б. КИЗИЛОВ

КРЫМСКИЕ “ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА” ПО ОПИСАНИЮ Е.СКИРМУНТ (ПОЯТА)

“Крымские наброски”, принадлежащие перу писавшей под псевдонимом “Поята” польской путешественницы второй половины XIX в., практически не были исследованы ни отечественными, ни польскими учеными. Тем не менее, данное произведение достаточно интересно и весьма нехарактерно для географической литературы того времени: неутомимая путешественница посвятила основное внимание описанию не популярных южнобережных курортов и центральных городов, а ... довольно труднодоступных и малоизвестных пещерных памятников Тавриды. Данная статья посвящена описанию так называемых “пещерных городов” Крыма, тем не менее необходимо отметить, что путешественница подробно и обстоятельно описала также и ряд естественных крымских пещерных памятников, таких как Кизил-Коба, пещеры Чатыр-Дага и др. [1, № 202, с. 235; № 203, с. 243].

Польский исследователь Ст.Маковский идентифицировал автора “Крымских набросков” как представительницу известного польско-литовского аристократического рода Елену Скирмунт (Скирмунтова) (1827-1874) [2, с. 18].¹ В Крыму путешественница побывала в 1869-1870 гг. вместе со своей дочерью Констанцией, восстанавливая здоровье после ссылки в имении своего тестя в Балаклаве. Заметки Пояты, напечатанные в 70-е гг. XIX в. в польских еженедельниках “Kłosy” и “Tygodnik Ilustrowany” практически недоступны в библиотеках за пределами Польши.

Свое путешествие по крымским пещерным памятникам Поята начала с пещерного монастыря Чилтер-Мармара (Czelter). Данное описание является единственным в своем роде описанием памятника, написанным незадолго до начала его научного исследования А.Л.Бертье-Делагардом [3, с. 240-242]. Неудовлетворенная рассказами сопровождавшего ее татарского гида, Поята попыталась сама датировать памятник. К ее радости, забравшись на третий ярус пещер монастыря, путешественница нашла “почти затертую и посеревшую” греческую надпись [1, № 198, с. 192].

Большой интерес у Пояты вызвал расположенный неподалеку Черкес-Керман или Эскерман (Czerkes-Kerman или Eskerman, т.е. искаженные “Черкес-Кермен” и “Эски-Кермен”). Путешественница записала несколько красочных легенд, связанных с этим пещерным городом и рассказанных ей ее татарским проводником Резепом (Rezep). В одной из них рассказывается о насильственной смерти сорока девушек,² привязанных

¹ Следует отметить, что, на наш взгляд, автором “Крымских набросков” могла являться дочь Елены Скирмунт, Констанция Скирмунтувна (1851-1934), также писавшая под псевдонимом Поята.

² Число сорок в сказках и преданиях тюркских народов имело также значение “бесчисленное, бесконечное множество”. В литературе XIX в. Кырк-Кыз (“сорок девушек”) называлась мангупская пещера МК-2; с ней также была связана легенда о заточении там девушек [4, с. 21].

друг к другу косами, на дне одного из наполненных водой пещерных казематов, находящегося, по-видимому, возле северного дозорного комплекса крепости. Интересна также другая легенда, в которой повествуется об артиллерийской осаде крепости генуэзскими войсками из Мангуб-Кале (Mangub-Kale). Защитники крепости, лишённые в течение сорока дней воды, были спасены лишь благодаря наличию на территории крепости осадного колодца. Как ни удивительно, находящийся неподалеку пещерный храм Трёх всадников, обычно поражающий своим видом иноземных вояжеров, произвел на Пояту более чем неубедительное впечатление [1, № 199, с. 201].

Далее, проведя некоторое время в деревне Коджа-сала (Kodža-sala) и подробно описав быт деревни и свое в ней пребывание, путешественница отправилась на осмотр расположенного в непосредственной близости от Ходжи-салы Мангупа. Мангуб-Кале (Mangub-Kale), по мнению Пояты, был основан «скитальцами-готами», на что указывает другая форма названия города – Мангут. Через какое-то время после поселения готов «племя караимов взбирается на гору, селится на древнем запустении и лепит себе храм из готских, греческих, генуэзских и турецких руин; наконец, люди пресыщаются горой и гора пресыщается руинами: последние ее обитатели находят успокоение под иудейскими надгробиями или покидают вершину» [5, № 432, с. 233-234]. Пораженная величием представших перед ней руин, Поята вопрошает: «Где готская столица, княжеская резиденция и епископская митрополия? Есть оружие, но нет рыцаря; ныне грозные башни обороняют лишь запустение и убогие караимские развалины...». Недоумение у путешественницы вызывает также и назначение различного рода деталей скальной архитектуры мангупских пещер: «К чему эта лежанка? Для чего это углубление? Зачем сделан этот четырехугольник – был ли это гроб, или цистерна, или ложе? Что стояло в этом проеме – идол, крест, прекрасная амфора или грубо вылепленный горшок? Кто тут жил – мирный отшельник или грозный воитель?»

Осмотр памятников города Поята начала с трехъярусного пещерного комплекса, расположенного у западного обрыва Чуфут-Чеарган-буруна и называемого в научно-исследовательской литературе северным монастырем. По ее мнению, мангупские пещеры были созданы рукой обитавших в Тавриде в доисторические времена язычников, в то время как христиане получили эти комплексы в наследство, сделав лишь некоторые из них самостоятельно. Пещеры осмотренного ею комплекса использовались, по мнению путешественницы, в трех основных назначениях: в качестве жилищ, в качестве церкви и в качестве усыпальницы, о чем свидетельствовали найденные Поятой человеческие кости. Положив потревоженные чьей-то своевольной рукой останки назад в костотеку, путешественница заметила над ней полустертую надпись, содержащую, по ее предположению, имя усопшего (возможно, путешественница видела зафиксированную Бертье-Делагардом надписью с датой 1221 г.).

Далее путь путешественницы полегал мимо «иудейского кладбища караимов»: «из небольшого источника лениво струился ручеек, пропитывая влагой почву и сами надгробия, придавая последним потемневший древний вид...». Поята совершенно справедливо переводила название Табана Дерё – долины, где располагается караимское кладбище, как «кожевенный овраг», объясняя этимологию топонима профессией караимов: «Эти протестанты-изразлиты, с рвением, присущим их племени, решили использовать древние пещеры и учредить там кожевенный завод».

Далее проводник Ахмет-бей (Aamet-bej) повел путешественницу к карстовой пещере МК-1, расположенной на южном склоне горы, отрекомендовав ее как «подземный ход, ведущий далеко вглубь мангубской горы, куда во время кровавых войн и разрухи на Мангуб-Кале были ввергнуты несколько десятков девушек». Над входом

в пещеру, по мнению путешественницы, должно было находиться укрепление, на что указывало название этого места – Хаздар Халеси (Kchazdar Chalesy) или “укрепление над пропастью”³. Проводник Ахмет сообщил Пояте о том, что этот ход никем никогда не был пройден вследствие того, что в глубине хода находились некие сверхъестественные страшные силы; один из путешественников, пытавшихся пройти этот ход, в ужасе убегая оттуда, оставил в пещере все свои ценные бумаги и не мог найти никого, кто отважился бы пойти забрать их. Аналогичная история случилась и в случае с самой Поятю: пройдя несколько метров пещерной тьмы, Ахмет страшно испугался гудения разбуженных светом мух и, крича, что это “дьявольская свадьба”, поспешил силком вывести путешественников из пещеры.

По дороге к укреплениям на мысе Тышкли-бурун, который Поята выделяла особняком и называла “Кале” (крепость), путешественница упомянула наличие греческой церкви (т.е. церковь Богородицы) и мечети (т.е. мечеть султана Баязида). Здание цитадели, отрекомендованное ей проводником как “Хан-сарай” (ханский дворец), путешественница посчитала строением турецкого времени, где “концентрировалось великолепие восточных правителей горного града, где местные власти содержали в заключении своих государственных узников”. Интерес своей архитектурой и акустикой также вызвала “Даалджу-коба” (Daaldžu-koba) или “барабанная пещера” [в современной литературе – Барабан-Коба: 4, с. 8-14]. Покидая город, Поята поэтически заметила: “Прекрасен Мангуб изведанный и в то же время непознанный, молчащий на своем удивительном наречии, могучий уничтожением силы – разрушением, сильный разрушением жизни – воспоминаниями...”.

На выезде из Мангупа путешественница посетила греческую церковь называвшуюся у татар, по ее сведениям, Мангуб-аарте-кильсе (Mangub-aarte-kilise, т.е. “тыльная церковь Мангупа”) [в современной научно-исследовательской литературе “пещерная церковь на поляне Кильсе-тубю”: 4, с. 31]. Путешественница особенно выделила изображение Христа, расположенные рядом фигурки святых или апостолов, а также две фигуры святых по бокам апсиды, отметив тщательную прорисовку ног и средневековой византийской обуви. Поятю поразило прекрасное состояние фресок; тем не менее, уже тогда путешественница говорила о необходимости поддержания изображений в сохранности [5, № 433, с. 250-251].

Посетив Бахчисарай, путешественница решила сделать визит в город Чуфут-Кале, поэтический называемый ею “мирная республика чуфуткальских иудеев” и “Сион таврических изразлитов”.⁴ Путешественница проникла на территорию крепости через Восточные ворота, сопровождаемая шумной толпой цыганских и татарских детей, постоянно досаждавших посетителям Чуфут-Кале: “Чуфут-Кале выныривает из векового мрака в виде грозной, неприступной твердыни”. Поята нашла город полностью заброшенным: “Может все население молится в синагоге? Или все спят? Или умерли? Или бросили свой Чуфут-Кале на милость безвременья и разрушения? Никто и ничто не отвечает нам, лишь молчание, безмолвствие и гробовая тишина”. Красноречивый ответ на свои вопросы путешественница нашла после посещения последних обитателей

³ Здесь, возможно, следует видеть отголосок сведений об упоминаемой Э.Челеби железной калитке, находившейся на южном склоне Мангупа [6, с. 33]. В.Х.Кондараки со слов местных жителей писал о том, что через железные ворота на южном склоне караимы ходили в деревни Ай-Тодор, Чамлы и Озенбаш [10, с. 157].

⁴ Поята считала караимов еврейским народом, представителями одного из сектантских течений в иудаизме: “Караимы являются евреями; это ветвь Израиля, отделившаяся от главного древа в весьма отдаленные времена”.

крепости, семьи А.С.Фирковича. Дочь патриарха патетически воскликнула: “Чуфут-Кале...исчез! Только отец поддерживает город. Кроме нас здесь уже никого нет, все покинули это место”.

Сам Фиркович был в отъезде. На Пояту большое впечатление оказало посещение дома ученого и созерцание рукописных сокровищ его коллекции, тогда частично хранившейся в усадьбе Фирковича: “Тесное подворье... в дальнем углу оно – небольшая клетушка, предназначенная быть пристанищем для мула, сбоку ступеньки, ведущие на второй этаж жилого дома... так представилась нам изнутри усадьба выдающегося ученого Авраама Фирковича... Дочь его, особа среднего возраста, и третья караимка, седая старушка, с черными исполненными жизни глазами, проводили нас в жилище и библиотеку ученого. Что за множество драгоценных пергаментов, древних книг и рукописей глядит с каждой полки! Практически все ими заполнено, а ведь это только часть тех научных богатств, каковые трудолюбивый исследователь в течение своих практически сорокалетних трудов открыл, откопал, спас от гниения и забвения, а затем поместил в безопасное место, объяснил и перевел”⁵.

Интерес также вызывает присутствие неотмеченных в других нарративных источниках фотографий в кабинете патриарха: “Образованная и исполненная вежливости дочь Фирковича была нашей добровольной проводницей в отсутствие отца. На столе ученого *ирби* (духовного) лежали пачки точных фотографических копий, снятых с древнееврейских и арабских рукописей... были даже фотографии знаменитых каменных до-христианских памятников... среди них, под дорогим накрытием, лежала пергаментная Библия Фирковича...”⁶

Посетив пещеру Чауш-Кобасы, Поята, в отличие от других вояжеров, не придавала значения рассказам относительно нахождения там подземной тюрьмы, предположив, что пещера использовалась в качестве убежища или подвала. Посетив тюрьму “Саили, дочери Тохтамыша” (т.е. мавзолей Джаньке-Ханым), Поята заметила, что чья-то рука потревожила склеп под надгробием; путешественница даже попыталась найти что-нибудь в раскопанной земле, однако, не обнаружила ничего за исключением пыли и мусора [прах в склепе под надгробием был потревожен уже во времена посещения крепости В.А.Жуковским в 1837 г.: 7, с. 402]. Огромное удивление и восхищение у путешественницы вызвал осмотр осадного колодца крепости (в научной литературе известен как колодец “Копка-кую”): “Что же это была за каменная работа, что за труд и усердие... принудившие аборигенов, кем бы они ни были, к созданию в глубине непреодолимой скальной преграды такого последнего спасительного средства...!”.

Поята также посетила и здание большой синагоги (терминология путешественницы; в современной литературе чаще употребляется поздний караимский термин “кенасса”): “Хотя и поблекшие, но все же прекрасно орнаментированные ковры по восточному обычаю покрывают весь пол храма; с потолка свисает семисвечник; стены пусты, нигде нет ни лавки, ни сиденья, только возле алтаря стоят два опустевших возвышения, в то время как на полностью открытом нашим взорам алтаре мертвенно царствуют суровые знаки десяти заповедей [...] Там... стояли старшие, там молодые, а тут было возвышение для женщин. Сейчас здесь пусто, тихо, и ничей глас не прервет одинокой молитвы старой караимки”. Кроме большой синагоги (кенассы), Поята удостоилась чести посетить и расположенную по соседству малую синагогу (кенассу), использовавшуюся в то время в

⁵ Эту же комнату-библиотеку Фирковича, опечатанную после его смерти видел другой польский путешественник, Л.Хлебницкий-Юзефович: “Через окно снаружи, увидел я в еще одной комнате огромные запечатанные тюки с остальными книгами, каковые, каковые, закупленные уже после смерти (Фирковича - М.К.) у его семьи, еще не были высланы в Санкт-Петербург [11, с. 165].

⁶ Е.Марков писал о нежелании Фирковича фотографироваться, т.к. последний считал “грехом снимать с себя портрет” [12, с. 461].

качестве хранилища собранных Фирковичем в странствиях по Крыму и Востоку манускриптов: “Вдоль стен с трех сторон располагались большие вместительные полки, а на них наискось лежали друг на друге целые ряды огромных кожаных свитков. [...] На многих свитках были свеженаклеенные карточки из белой бумаги... некоторые были VIII, IX и XII веков... Кроме того, подобно безродным выскочкам в этой кожаной библиотеке лежали пачки, свертки и связки различных фрагментов и обрывков пожелтевших и заскорузлых бумажных листов...”

Покинув Чуфут-Кале, путешественница направилась “дорогой смерти” к Иосафатовой долине, где располагался крупнейший в Крыму караимский некрополь. Поята полагаала, что на территории некрополя находится несколько тысяч надгробий и около 700 дубов (впрочем, последняя цифра – явное преувеличение): “Множество вековечных плит уже покосилось и ушло в землю, пропадая в траве и кустах, многие почти до верха вросли в почву, скрывая в земле половину надгробной надписи... Большинство все же стоит прямо, а между ними белеет множество новых, совсем недавно вышедших из-под резца... [Тут царствует] настоящее перенаселение на глубине нескольких пядей под землей, с той лишь разницей, что никто уже не заботится о своем месте, в то время как наверху, в узких тесных шеренгах, многотысячными фалангами грозно толпятся надгробия”.

Встретив на кладбище двух каменщиков-караимов, занятых изготовлением очередного надгробия, Поята с некоторым изумлением писала о пренебрежительном, по ее мнению, отношении караимов к могилам собственных предков: “Почему же город ваш так пуст и заброшен? – спрашиваем мы младшего, ибо старший, кажется, едва ли нас понимал.

“А-а, что делаешь?” – отвечал он, безразлично мотнув головой и пожав плечами.

“Очень жаль, брат мой, это ведь столица ваша, а вся в запустении”.

“Э-э,” – еще более безразлично прервал нас караим, махнул рукой и небрежно оперся ногой на надгробие, что является признаком страшной непочтительности и презрения у евреев.

Эта презрительная отповедь произвела на нас неприятное впечатление, ибо это был человек из их народа...”

По свидетельствам резчиков, небольшие круглые углубления на рогах могил обозначали надгробия, под которыми покоятся молодые девушки, а также служили в качестве поилок для птиц: “Что означают эти ямки? – спрашиваем мы у молчащего караима. “Тут лежат девушки, – отвечал он, – а в этих ямках собирается вода для птиц”.

По просьбе путешественницы, резчики отвели ее к надгробиям семейства легендарного Исаака Сангари.⁷ Расположенные поблизости друг от друга надгробные плиты Сангари и его жены вызвали удивление у путешественницы своими размерами и величиной: “Вся необыкновенность обеих плит заключается лишь в их величине и толщине; они уже глубоко погрузились в землю и поросли вековечным мхом”. По рассказам резчиков, Сангари отличался огромным ростом [ср. аналогичные караимские представления о том, что на участке, где находились надгробие Сангари, было похоронено неиудейское население, отличавшееся исполинскими размерами: 9, с. 34-35, 37].

Покидая Иосафатову долину, путешественница бросила “последний прощальный взгляд на печальный Чуфут-Кале живых и еще более печальный Чуфут-Кале мертвых” [1, № 201, с. 219-223].

⁷Надгробие Исаака Сангари, легендарного миссионера, по преданию обратившего в VIII в. хазар в иудейскую веру, еще в XIX в. многие ученые считали фальсификацией: “...в нижней части [надгробия – М.К.] увидел я свежесрезанные ножом еврейские буквы, по словам Фирковича имя Сангари. Буквы ... были затерты местной землею, которая по прикосновению рукою отстала и обнажила свежие окраины букв, не пожелтевшие и не поросшие мхом...” [8, с. 97].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pojata [H.Skirmuntowa]. Szkice z Krymu // Tygodnik Ilustrowany. 1871. T.VIII. №195. S.155-156. №196. S.163-165. №198. S.192. №199. S.201. №200. S.207-210. №201. S.219-225. №202. S.233-236. №203. S.243-247.
2. Makowski, St. Świat sonetów krymskich Adama Mickiewicza. Warszawa: Czytelnik, 1969.
3. Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т.XIV.
4. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангула. Симферополь, 1996.
5. Pojata [H.Skirmuntowa]. Szkice z Krymu. Wycieczka na Mangub-Kale // Kłosy. 1873. Vol.XVII. №432. S.232-235. №433. S.250-251.
6. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Пер. Е.Бахревского. Симферополь, 1999.
7. Жуковский В.А. Баллады. Наль и Дамаянта. Рустем и Зораб. М., 1987.
8. Караулов Г. Примечания к поездке во внутренность Крыма академика Палласа. Чуфут-Кале и еврей-караимы // ЗООИД. 1883. №13.
9. Chwolson D. Corpus Inscriptionum Hebraicarum Enthaltend Grabschriften aus der Krim. St.-Petersburg, 1882.
10. Кондарак В.Х. Универсальное описание Крыма. Санкт-Петербург, 1875. Ч. XV.
11. [L.Hlebnicki-Józefowicz]. Wspomnienia Krymu // Kłosy. T.XXV. № 637 (1877).
12. Марков Е. Очерки Крыма. Симферополь, 1995.

M.B. KIZILOV

CRIMEAN "CAVE-TOWNS" ACCORDING TO THE DESCRIPTION OF H.SKIRMUNTOWA (POJATA)

Summary

Polish traveller H.Skirmuntowa (1827-1874; penname "Pojata") who spent about two years (1869-1870) in the Crimea, left very curious and interesting notes dedicated to the history of the Crimean cave monuments, including the so-called "cave-towns". Pojata visited and described such "cave-towns" as Eski-Kermen, Chilter-Marmara, Mangoup and Chufut-Kale. The traveller paid most of her attention to the description of Chufut-Kale, once inhabited by numerous and striving Karaite community. Pojata called the town "a peaceful republic of Hebrews" or „Zion of Taurida Israelites". She described it as a completely abandoned settlement, haunted by the wild dogs and inhabited only by the family of A.Firkovich, famous XIXth century Karaite collector and scholar. Pojata was very much impressed to see the manuscript treasures of his collection, which at that time was partially kept in his house: „What a quantity of precious parchments, ancient books and manuscripts looks on you from every book-shelf! Practically everything is filled with them and this is only a small part of academic treasures, which this diligent scholar had found in the course of his 40-years long travail, found, excavated, rescued from the decay and oblivion, and later placed in a safe place, explained and translated... Firkovich's educated and most polite daughter was our voluntary guide during the absence of her father". From Firkovich's daughter the traveller received an exhaustive answer to the question why Chufut-Kale looked so abandoned and almost deserted: „Chufut-Kale, - expressively cried Karaite lady - has gone! Only my father keeps it. Except us, nobody lives here, everybody has left it" [1, № 201, c. 219-223]. When describing the Karaite monuments of Mangoup Pojata mentioned „the Hebrew cemetery of the Karaites" and explained the etymology of the placename *Tabana dere* („the Valley of Tanners", the ravine where the cemetery is situated) by the profession of the Karaites: „Those protestant-Israelites, with the diligency peculiar to their tribe, ventured to use ancient caves and establish a tannery there". At the time of her travel (1869-1870) all remains of the former splendour of the town disappeared and magnificent towers „defended only emptiness and miserable Karaite ruins" [5, № 433, c. 250-251].